

Оригинальная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2025-17-3-19-33

УДК: 94(47).05/06

EDN

Соловьев Константин Анатольевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,

Москва, Россия

ksoloviov@spa.msu.ru

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК СПОСОБ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ В ЦАРСТВОВАНИЕ
ЕКАТЕРИНЫ II**

Аннотация: Обращение к «исторической памяти» в качестве мотива в ходе принятия государственных решений, их последующего обоснования было неоднократным явлением в российской истории. Одним из наиболее ярких примеров осмысления во внешней политике стало принятое Екатериной II решение о включении Крыма в состав Российской империи. Задача статьи – выявление возможностей, предоставляемых специфической конструкцией исторической памяти, как раз предложенной в середине 1770-х годов с целью обоснования поворота российской политики в Причерноморье – от «оборонительной» к «наступательной». Это было важно в условиях резкого ослабления влияния Османской империи и формирования ряда факторов, способствовавших участию России в решении внутрикрымских проблем (1770). **Источники и методы.** В разработке изучаемой темы ключевым источником служит записка российского поверенного в делах в Стамбуле П.А. Левашева. В исторической науке она известна как «Картина или краткое известие о российских с татарами войнах и делах, начавшихся в половине десятого века и почти непрерывно через восемьсот лет продолжающихся». В этом направлении дополнительным источником служит также текст письма Г.А. Потемкина Екатерине II (1782 г.), посвященного той же проблематике. Изучение названных документов проведено с применением методов системного, текстологического, документального и семантического анализа.

Выводы. Исследование показало, что обращение к исторической памяти позволило концептуализировать стремление к завершению причерноморской политики России посредством присоединения Крыма, что выразилось в появлении двух взаимосвязанных концепций: «восстановления исторической справедливости» (П.А. Левашов) и «рациональной», в духе современной теории «наступательного реализма» (Г.А. Потемкин).

Ключевые слова: история, Россия, политика, век, историческая память, Крым, Г.А. Потемкин, А.А. Безбородко, П.А. Левашов.

Для цитирования: Соловьев К.А. Историческая память как способ концептуализации внешнеполитической проблемы в царствование Екатерины II. Историческая и социально-образовательная мысль. 2025. Том 17. № 3. С. 19-33
DOI: 10.17748/2219-6048-2025-17-3-19-33

Original article

Konstantin A. Soloviev

Moscow State University named after M.V. Lomonosov
Moscow, Russia
ksoloviev@spa.msu.ru

HISTORICAL MEMORY AS A WAY OF CONCEPTUALIZING FOREIGN POLICY PROBLEMS DURING THE REIGN OF CATHERINE II

Abstract: Appeals to "historical memory" are repeatedly encountered in the history of Russian history. Historical memory can serve as a motive for making government decisions or be a justification for such a decision. An example of the use of historical memory was the decision to include Crimea into the Russian Empire. The objective of the article is to show how historical memory helped to justify the turn of Russian policy in the Black Sea region from "defensive" to "offensive". **Sources and methods.** The key source is the document by P.A. Levashov "Picture or a brief news about Russian wars with the Tatars and affairs that began in the middle of the tenth century and continued almost continuously for eight hundred years." An additional source is the text of the letter of G.A. Potemkin to Catherine II in 1782. The study of these documents was carried out using the methods of systemic, textual, documentary and semantic analysis. **Analysis.** The need for an appeal to historical memory for the leaders of Russian foreign policy arose after the successes of Russians advancement in the Black Sea region in the first half of the 1770s.

Conclusions. The study showed that an appeal to historical memory made it possible to substantiate the decision to annex Crimea. This led to the emergence of two interrelated concepts: "restoration of historical justice" by P.A. Levashov and "rational", in the spirit of the modern theory of "offensive realism" – G.A. Potemkin.

Keywords: history of Russia, Russian foreign policy of the 18th century, historical policy, historical memory, Crimea, G.A. Potemkin, A.A. Bezborodko, P.A. Levashov.

For citation: Soloviev K.A. Historical memory as a way of conceptualizing foreign policy problems during the reign of Catherine II. Historical and social-educational Idea. 2025. T.17. No.3. P. 19-33 (In Russ.).

DOI: 10.17748/2219-6048-2025-17-3-19-33

Введение

Понятие «историческая память» в последние полвека активно используется в разных сферах гуманитарного знания. По нашему мнению, это позволило заявить о появлении в конце XX в. «новой парадигмы наук о культуре», обозначенной как «мемориальный бум» [1].

Понимаемое в самом широком значении, оно служит основой для так называемых memory studies, которые «направлены на установление того, кем именно, каким образом и с какой целью [прошлое] конструируется в массовом сознании “здесь и сейчас”» [2, с. 6]. В одном из своих «узких» значений понятие «историческая память» тесно связано с теми действиями государства, которые во второй половине XX в. договорились именовать «исторической политикой» [3]. И поскольку историческая политика (в определении С.А. Чернышева) представляет собой деятельность по «технологизации политических коммуникаций» [4, с. 125], можно в реальности выявлять такого рода коммуникации, при этом не только в современном мире, но и в предшествующих ему эпохах, как бы они ни были далеки от понятия «технологии».

В предлагаемой статье рассматривается проблема возможности (и необходимости) использования элементов «исторической памяти» в политике российского государства по присоединению Крыма в 1770–1800-х годах. В задачи статьи входит выявление элементов «политики коммеморации», их фиксация; характеристика их назначения в рамках более широкой государственной деятельности – внешней политики российского государства.

Ключевой источник для решения этих задач – памятная записка «Картина или краткое известие о российских с татарами войнах и делах, начавшихся в половине десятого века и почти беспрерывно через восемьсот лет продолжающихся»

ся» (далее – «Картина»). Эта записка была обнаружена в бумагах кн. А.А. Безбородко с пометой «1776». По традиции, заложенной публикатором документа Н. Григоровичем, автором этой записки считался именно Безбородко. Традиция эта жива до сих пор. Так, современный автор исследования о мотивах присоединения Крыма к России пишет: «В Петербурге тогда боролись два взгляда на крымскую проблему. Первый продвигал статс-секретарь императрицы А.А. Безбородко. Еще в 1776 г. он подал императрице “Записку о Крымских Татарах”, в которой настаивал на ликвидации ханства...» [5, с. 26-27]. Но уже в 1900 г. М.Н. Бережков усомнился в авторстве Безбородко, опубликовав статью «Об одной историко-политической записке времен присоединения Крыма» [6]. Он обратил внимание на то, что автор «Картины» объясняет возникновение интереса к истории «татар» своим пребыванием в Крыму в период русско-турецкой войны, что не совпадало с биографией Безбородко. При этом он не знал об издании «Картины» в виде брошюры в 1792 г. под авторством П.А. Левашева, российского поверенного в делах (с 1763 г.) в Стамбуле. В предисловии к этой брошюре Левашов пишет: «Краткое сие начертание ... писано мною в 1774-м году, вскоре после возвращения моем из Турции, единственно в том намерении ... дабы потомки наши при удобном случае и времени не оставили взять надлежащие меры ... покорением Крыма» [7, с. II]. Из этих слов видно, что записка была написана для широкого круга читателей и, попав к Безбородко, заинтересовала его как концептуальное обоснование его собственных намерений. Эта записка Левашова была использована для обоснования позиции Безбородко в отношении Крыма, изложенной в 1877 г. в письме к члену коллегии иностранных дел П.В. Бакунину, о том, что «независимость татар в Крыму ненадежна для нас и что надобно помышлять о присвоении сего полуострова» [8, с. 90]. Дополняет ключевой источник текст письма Г.А. Потемкина Екатерине II 1782 г., посвященного той же проблематике, что и «Картина», но в совершенно ином ракурсе.

Исторические условия формирования концепции исторической политики в отношении Крыма

Исходной точкой начала этапа концептуализации российской политики в отношении Крыма необходимо признать 1774 г. – окончание русско-турецкой войны и заключение Кючук-Кайнарджийского мирного договора, в результате чего Крым был признан независимым от Турции государством и становился самостоятельным субъектом международной политики. При этом, как отмечает современный исследователь истории присоединения Крыма к России, «уже первый год (с лета 1774 г. по осень 1775 г.) независимого существования Крымского ханства показал, что устройство северопричерноморского региона на условиях Кучук-Кайнарджийского мира не решало ... проблемы безопасности юга России» [9, с. 14]. Соответственно, краткосрочным содержанием политики России в

Причерноморье стало «обеспечение той части пределов от набегов татарских», как это было зафиксировано указом Екатерины II, направленному «новороссийскому и азовскому генерал-губернатору, графу Потемкину» 11 января 1776 г. [10, с. 49]. Неустойчивая система двойного влияния на Крым, проводимого через правителей-ставленников (Девлет-Гирей – для Турции, Шахин-Гирей – для России), привела к кризисам 1777 г. (высадка десанта Селим-Гирея III) и 1781 г., (мятеж Махмут-Гирея) разрешение которых требовало участия российских войск [11, с. 26]. Это стало триггером трансформации российской причерноморской политики от оборонительной к наступательной, что и привело к отречению Шахин-Гирея в феврале 1783 г. и подписанию Екатериной II в апреле того же года Манифеста «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу».

Итак, в интервале между 1775 и 1783 г. Российская империя, в рамках общей, для всего XVIII в., политики расширения своих границ на юге до «естественных» пределов (что в афористичной формулировке Г.А. Потемкина было обозначено так «Сказать просто: границы России – Черное море» [12, с. 271]) не только приняла решение о включение Крыма в свои границы, но и реализовала его.

Постоянные вооруженные конфликты в Причерноморье, уходящие своими корнями в XVI в., уже сформировали в российской элите «институты и убеждения» названные Э. Нортон «эффектом колеи», выражающемся в «ограничении возможностей выбора, существующих в настоящем, основанном на историческом опыте прошлого» [13, с. 39 и 83]. Но принятие решения о включении Крыма в границы российской империи полностью исключало возможность выбора любых альтернативных вариантов во внешнеполитическом взаимодействии на этом направлении. Это означало, что «эффект колеи», должен был привести сложившееся в управленческой элите России представление о роли и значении Крыма, к трансформации в один из системообразующих факторов российской государственности – его устремленности на решение «Восточного вопроса», формирование «русского ориентализма» и воздействие «восточной политики» на эволюцию российского государства, экономику, культуру и внутреннюю политику России XIX – начала XX вв. [14; 23; 24].

Но такое серьезное решение (пусть даже его отдаленные последствия и были неразличимы при принятии) требовало серьезной теоретической проработки и концептуального обоснования. Не случайно в начале рассматриваемого этапа появляются два текста, претендующих именно на концептуализацию предлагаемого решения: «историческая записка» П.А. Левашова и «меморандум» Г.А. Потемкина 1782 г. (как его именует Н.Ю. Болотина [15 с.223]) или «знаменитая записка “О Крыме”» (в характеристике О.И. Елисеевой [12, с. 271]). Начнем с документа, составленного Г.А. Потемкиным.

Концептуализация проблемы Г.А. Потемкиным

Основной мотив своей записки Потемкин повторяет дважды. В начале – с позиций текущего момента: «Если же не захватите ныне, то будет время, когда все то, что ныне получим даром, станем доставать дорогою ценою» [16, с. 155]. Второй раз (закольцовывая мотив) – в конце, с позиций «будущего»: «Сколько славно приобретение, столько Вам будет стыда и укоризны от потомства, которое при каждых хлопотах так скажет: вот, она могла, да не хотела или упустила» [16, с. 155]. Присоединение Крыма («захват» в терминологии Потемкина) объявлено им действием и желательным, и обязательным для России. Тут же приводится обоснование, в котором легко можно видеть две части. Часть первая – рациональная. Вот ее содержание:

«Крым положением своим разрывает наши границы. Нужна ли осторожность с турками по Бугу или с стороны кубанской – в обеих сих случаях и Крым на руках. <...> Положите ж теперь, что Крым Ваш и что нету уже сей бородавки на носу – вот вдруг положение границ прекрасное: по Бугу турки граничат с нами непосредственно, потому и дело должны иметь с нами прямо сами, а не под именем других. Всякий их шаг тут виден. Со стороны Кубани сверх частных крепостей, снабженных войсками, многочисленное войско Донское всегда тут готово. <...> Мореплавание по Черному морю свободное. А то, извольте рассудить, что кораблям Вашим и выходить трудно, а входить еще труднее. Еще в прибавок избавимся от трудного содержания крепостей, кои теперь в Крыму на отдаленных пунктах» [16, с. 155].

Рациональность присоединения Крыма здесь выражена в нескольких позициях: упрощение пограничной ситуации; получение преимущества в использовании акватории Черного моря; сокращение расходов на содержание приграничных частей. Но есть и вторая часть – геополитическая:

«Вы обязаны возвысить славу России. Посмотрите, кому оспорили, кто что приобрел: Франция взяла Корсику, Цесарцы без войны у турков в Молдавии взяли больше, нежели мы. Нет державы в Европе, чтобы не поделили между собой Азии, Африки, Америки. Приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить Вас не может, а только покой доставит. Удар сильный – да кому? Туркам. Сие Вас еще больше обязывает. Поверьте, что Вы сим приобретением бессмертную славу получите и такую, какой ни один Государь в России еще не имел» [16, с. 155].

В этой части две отчетливо выраженных позиции. Первая – так поступают все сильные государства («нет державы в Европе, чтобы не поделили...»). Если Россия хочет, чтобы ее воспринимали как равную в собрании европейских государств, она должна показать свою силу, нужен «удар сильный». Вторая позиция состоит в том, что этот «удар сильный», нанесенный Турции, обеспечит «покой» в будущем.

Нельзя не отметить, что, увлекшись геополитическим пафосом, Потемкин не заметил, что аргументация второй (геополитической) части его обоснования необходимости присоединения Крыма противоречит первой (рациональной). Он пишет: «Приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить Вас не может...», но вся первая часть ориентирована на то, что преимущества, получаемые при захвате Крыма, если не «обогащают», то помогают России усилиться. Кроме того, Потемкин никак не объясняет потребность европейских стран в том, чтобы «поделить» Азию, Африку и Америку. Подразумевается, что контроль европейских стран над этими поделенными территориями дает им набор преимуществ не только «геополитического» свойства, но и прямых – экономических. Потемкин на данном этапе называет только одну возможность для развития экономики: свободное плавание по Черному морю с перспективой выхода в Средиземное. Экономический смысл прямо не обозначен. Возможно, Потемкин имел в виду только военный флот, поскольку намек на трансформацию геополитики в экономику (и наоборот) в тексте есть: «... с Крымом достанется и господство в Черном море. От Вас зависеть будет запираеть ход туркам и кормить их или мориеть с голоду» [16, с. 155].

В каждой из обозначенных Потемкиным частей трактата, как в «рациональной», так и в «геополитической», есть общий, объединяющий мотив: «мы делаем это потому, что можем», который исключает из политической деятельности этику как ценностную категорию. Максимальное приближение к этическим стандартам содержится в отсылке к мотиву «все так делают». Но это не единственно возможный подход к внешнеполитической деятельности и не единственный предлагавшийся Екатерине II. И здесь мы должны обратиться к тому объяснению деятельности российского государства по овладении Крымом, которое предложил П.А. Левашов.

Концептуализация проблемы П.А. Левашовым

Начало записки Левашова представляет собой теоретическую часть, в которой содержится несколько важных положений. Первое положение, самого общего свойства, выглядит так: «Царь Янус почитался наимудрейшим государем за то, что он чрез знание истории прошедших времен не только управлял его царством, но сверх того мог еще узнать и будущие приключения; в рассуждении такого его великого в политике знания обыкновенно представляется он двулицым, яко эмблема, показуемая, что он видел будущее так, как и прошедшее» [7, с. 3]. По сути, это концепция предопределения будущего событиями прошлого, или «генетический подход» в историческом знании. Современные критики такого подхода к объяснению истории (начиная с И. Валлерстайна) считают, что главный его недостаток состоит в том, что он приводит к признанию «неизбежности» тех или иных событий [17, с. 111] и отказу от попыток выявления вари-

тивности исторического процесса. Именно таково главное свойство той теоретической конструкции, которое лежит в основе записки Левашова.

Историческая концепция автора «Картины» изложена им в «Предуведомлении» в шести пунктах:

«1. Ужасная и притом печальная картина, а именно: вся Россия, раздробленная на части и в собственной крови плавающая; в одной ее стране виден возженной татарами пламень, ... в другой меч их сверкающий над головами наших предков...

2. Что татары из всех наших неприятелей были для нас самые опасные и вреднейшие, да и впредь могли бы быть...

3. Что они сколько силою, а не менее того хищническими своими набегами России наносили всегда великой вред.

4. Что заключали мир с Россиянами только тогда, когда оный им был надобен, и всякий раз нарушали, когда только хотели...

5. Что Россияне не взирая на то, что бывали несколько сот раз ими обмануты, не переставали всегда им верить...

6. Что предки наши с Татарами воевали только тогда, когда они приходя в Россию жгли их, пленяли и убивали, и довольствовались только тем, что их от себя прогоняли не чиня никаких дальних поисков» [7, с. 5-7].

Мы видим, что эти шесть пунктов построены по логике «исторического мифа», у истоков которого – «историческая обида» (п.1). Это необходимо для того, чтобы «миф не просто рассказывался, но постоянно проигрывался именно в качестве ритуальных драм со злыми и добрыми силами» [18, с. 41]. Затем следуют пункты, в которых противник «расчеловечивается», приобретая черты исторического монстра, наделенного силой, коварством и являвшегося носителем «беды» (пп. 2-4). Завершают построение концепции два пункта, в которых предки россиян показаны как невинные жертвы коварства и обмана и одновременно как герои, ведущие неравную борьбу за свою жизнь и свободу (пп. 5-6).

Логика этих построений неизбежно приводит к мысли о необходимости: а) восстановить историческую справедливость; б) найти способы защиты от возможного нанесения вреда в будущем. Ключевым понятием для этой концепции становится «справедливость» в отношениях между народами, «попираемая» врагом из столетия в столетие. Восстановление «исторической справедливости» становится, таким образом, необходимостью для дальнейшего развития страны. В современных теоретических разработках проблем исторической политики часто подчеркивается, что тема «справедливости» является одной из ключевых для формирования исторической памяти как мобилизационного ресурса, что выступает как «ответственность по отношению к прошлому» [19, с. 282] или «чувство справедливости и правды» [20, с. 124], или «восстановление исторической справедливости» [21, с. 120].

«Историческая» часть записки Левашова содержит большое количество семантических единиц, используемых в «манипулятивных стратегиях, обращенных в первую очередь к эмоциональной сфере человека: гиперболизация негативного образа, активное формирование образа врага и нарастающей угрозы» [22, с. 216]. К числу таких семантических единиц можно отнести многочисленные вариации на слово «опустошение», а также конструкции: «пожгли много сел», «причиня много зла», «обагрив кровью», «преданы самолютейшей смерти», «самая жестокая месть» [7, с. 13, 14, 20].

Следует отметить, что понятие «татары» выступает в этом тексте как двоякое. Оно используется и как собирательное название для всех кочевых народов, приходящих на русские земли с востока (включая печенегов и половцев), и как «новопришедшие Мунгальского поколения татары» [7, с. 18-19], что расширяло пространство «татарского мифа» до всего времени существования российского государства.

Историческая часть «Картины» доведена до тех «обид», которые нанесли российскому государству непосредственно власти Крыма в XVII в., после чего в том варианте, что содержался в бумагах А.А. Безбородко, следовало «Заключение», а в брошюре, изданной Левашовым в 1792 г., следуют еще три текста, из которых два ориентированы на принципы исторической политики (и требуют отдельного изучения): это документ, озаглавленный «Лист Графа Остермана к Верховному турецкому Визирю» [7, с. 101-149], и еще один (вероятно авторства Левашова) – «О правах российских государей на Крым, яко издревле России принадлежащий, также по праву завоевания и по праву наследственному» [7, с. 150-163]. Отсылка к тексту Остермана есть в последней части «Картины», названной «Заключение». И можно предположить, что уже в 1774 г., когда текст «Картины» был создан, письмо Остермана уже было его частью. А текст «О правах российских государей...» появился позже, поскольку никаких отсылок к нему в «Заключении» нет (кроме общего мотива, завоевания Иваном IV Казани и Астрахани).

Если текст Левашова предполагалось передать Екатерине II, письмо Остермана могло быть отделено от собственно текста записки, поскольку являлось самостоятельным дипломатическим документом, а «Картина» и так была велика по своему объему.

Можно предположить также, что «Заключение» было исключено из брошюры 1792 г. потому, что оно было написано для побуждения к действию в ситуации середины – второй половины 1770-х годов. Его общая логика укладывается в три тезиса:

Тезис первый: историческая обида, наносимая «татарами» не может быть забыта: «... во время продолжения с лишком восьмисот лет Татары никогда мирных своих с Россиею договоров не содержали и завсегда оные нарушали, ко-

гда только видели быть из этого их пользу, следовательно и впредь в том на их веру полагаться не можно и не должно» [8, с. 369].

Тезис второй: переход территорий, откуда исходят угрозы России, может дать «безопасность» и «желаемый покой» [8, с. 369].

Тезис третий: «можно смело сказать, что покорение ныне Крыма, конечно, гораздо менее труда будет стоить, нежели как оное потребно было царю Ивану Васильевичу на завоевание Казанского и Астраханского царств, ... особенно если ныне заблаговременно приняты к тому будут надлежащие меры» [8, с. 370].

Выводы

1. В промежутке между 1775 и 1773 гг. политика России в отношении Причерноморья привела к ситуации, когда императрица была поставлена перед выбором: принять или не принять необратимое решение о том, чтобы включить Крым в границы Российского государства.

2. Сторонники принятия необратимого решения (Г.А. Потемкин и А.А. Безбородко, П.А. Левашов) предприняли, каждый со своей стороны, шаги к тому, чтобы облегчить Екатерине II его принятие. Двое из них подготовили концептуальное обоснование необходимости действий России по присоединению Крыма.

3. Первым по времени концептуальным объяснением стало обоснование политики захвата Крыма, предложенное П.А. Левашовым и опиравшееся на тезис «восстановления исторической справедливости». Суть его концепции состояла в том, что вся история взаимоотношений между Русью/Россией и «татарами» показывает, что договоренности между сторонами невозможны; «татары» постоянно нарушали такие договоренности в прошлом (наноса одну за другой «исторические обиды» и мешая развитию государства) и не способны соблюдать их в принципе. Следовательно, полное устранение «угрозы» со стороны «татар» не только полезно действующей власти, но и является ее исторической миссией – «восстановления справедливости».

4. Вторая – рациональная – концепция Г.А. Потемкина играла более служебную роль: показать, что необратимое решение, которое нужно принять здесь и сейчас, находится в русле современной политики «великих держав» и не только не нанесет ущерба государственной власти, но и усилит ее позиции как на границах, так и в мире в целом. Но для тех задач, которые решает в своей записке Левашов, именно это и нужно. Если он сможет показать, что исторически противостояние Руси/России и «татар» могло быть разрешено только экспансией, то это обусловит неизбежность последнего усилия в этой экспансии.

Тем самым мы можем утверждать, что документы, составленные П.А. Левашовым и Г.А. Потемкиным, взаимно дополняли друг друга, формируя концептуальное обоснование для принятия решения о присоединении Крыма к России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Васильев А.Г. Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 117. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/v36.html> (Дата обращения: 23.02.2024).
2. Понамарева А.М. Историческая память и историческая политика: введение к тематическому разделу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. – 2018. – № 3. – С. 6-14.
3. Третьяков А.В. Понятие исторической политики в постсоветской историографии // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2021. – № 2 (58). – С. 1-11.
4. Чернышов С.А. Политические коммуникации и историческая политика в домодерных сообществах // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2023. – № 1. – С. 125-141.
5. Григорьев С.И. «...Независимость татар в Крыму ненадежна для нас...»: когда на самом деле в Петербурге решили присоединить Крым к России? // Петербургский исторический журнал. – 2022. – № 3. – С. 21-32.
6. Бережков М.Н. Об одной историко-политической записке времен присоединения Крыма // Известия историко-филологического института. – Нежин, 1900. – № 18. – С. 1-10.
7. Левашов П.А. Картина или краткое известие о российских с татарами войнах и делах, начавшихся в половине десятого века и почти непрерывно через восемьсот лет продолжающихся. – СПб., 1792.
8. Григорович П. Канцлер князь А.А. Безбородко в связи с событиями его времени. Т. 1. // Сборник РИО. Т. 26. – СПб., 1879.
9. Крючков А.В. Присоединение Крыма к России и начальный этап его включения в общеимперское пространство (последняя треть XVIII – начало XIX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2006. – 22 с.
10. Дубровин Н.Ф. Присоединение Крыма к России: Рескрипты, письма, репликации и донесения в 4-х т. Т. 1: 1775–1777 гг. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1885. – 903 с.
11. Жеребкин М.В. Присоединение Крыма к России Екатериной II как способ решения исторических задач государства во второй половине XVIII века // Манускрипт. – 2020. – № 5. – С. 24-28.
12. Елисеева О.И. Григорий Потемкин. – М.: Молодая гвардия, 1997. – 665 с.
13. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / Пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 256 с.

14. Амбарцумян К.Р. Ориентализм в геополитических представлениях военных и дипломатических элит Российской империи (на материалах обсуждения «армянского вопроса» в конце XIX – начале XX в.) // Вестник КИГИ РАН. – 2023. – № 2. – С. 281-292.
15. Болотина Н.Ю. Потемкин. – М.: Вече, 2014. – 480 с.
16. Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791. – М.: Наука, 1997. – 990 с.
17. Царёв Р.Ю. Миросистемный анализ и критика генетического объяснения истории // Вестник Курганского государственного университета. – 2017. – № 1 (44). – С. 110-112.
18. Поцелуев С.П. «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Отв. ред.: О.Ю. Малинова. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М., 2012. – С. 17-53.
19. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
20. Бордюгов Г.А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 256 с.
21. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 207 с.
22. Негров Е.О. Публичная политика в ходе электорального цикла 2011–2012 гг.: Стратегии охранительного политического дискурса // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Отв. ред.: О.Ю. Малинова. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М., 2012. – С. 202-221.
23. Сенина Л.В. Российская империя и восточный вопрос: опыт контактов цивилизаций в освещении англоязычных историков // Via in tempore. История. Политология. – 2012. – № 7 (126). – С. 106-112.
24. Сметанин Д.В. Краеугольный камень восточной политики российской империи: органические регламенты и реформы в Молдавии и Валахии 1820–1830-х годов // Новое прошлое/The New Past. – 2022. – № 3. – С. 190-199.

REFERENCES

1. Ambarcumyan K. R. Orientalizm v geopoliticheskikh predstavleniyah voennyh i diplomaticheskikh elit rossijskoj imperii (na materialah obsuzhdeniya «armyanskogo voprosa» v konce XIX - nachale XX V.) [Orientalism in the geopolitical ideas of the military and diplomatic elites of the Russian Empire (based on the discussion of the "Armenian question" in the late 19th - early 20th centuries)] // Vestnik KIGI RAN. 2023. № 2. S. 281-292. (In Russ)

2. Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics] M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2014. — 328 s.
3. Berezhkov M.N. Ob odnoj istoriko-politicheskoj zapiske vremen prisoedineniya Kryma [About one historical and political note from the time of the annexation of Crimea] // Izvestiya istoriko-filologicheskogo instituta. Nezhin, 1900 g., № 18. S. 1 – 10. (In Russ).
4. Bolotina N.YU. Potemkin. M.: Veche, 2014. – 480 s.
5. Bordyugov G. A. Oktyabr'. Stalin. Pobeda. Kul't yubileev v prostranstve pamyati. [October. Stalin. Victory. The Cult of Anniversaries in the Space of Memory] M.: AIRO-HKHI. 2010. – 256 s.
6. Vasil'ev A.G. Memory studies: Edinstvo paradigmy – mnogoobrazie ob"ektov [Memory studies: Unity of paradigm – diversity of objects] // Novoe literaturnoe obozrenie. 2012. № 117. Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/v36.html> [Data obrashcheniya: 23.02.2024.]
7. Grigorovich P. Kancler knyazyu A.A. Bezborodko v svyazi s sobyitiyami ego vremeni. T. 1. [Chancellor to Prince A.A. Bezborodko in connection with the events of his time.] // Sbornik RIO. T. 26. SPb. 1879.
8. Grigor'ev S. I. "...Nezavisimost' tatar v Krymu nenadezhna dlya nas...": kogda na samom dele v Peterburge reshili prisoedinit' Krym k Rossii? [The independence of the Tatars in Crimea is unreliable for us...": when did they actually decide in St. Petersburg to annex Crimea to Russia] // Peterburgskij istoricheskij zhurnal. 2022. № 3 S. 21-32.
9. Dubrovin N. F. Prisoedinenie Kryma k Rossii: Reskripty, pis'ma, relyacii i doneseniya. [The annexation of Crimea to Russia: Rescripts, letters, reports and dispatches]. T. 1: 1775-1777 gg. - SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1885. - 903 s.
10. Ekaterina II i G.A. Potemkin Lichnaya perepiska 1769-1791 [Catherine II and G.A. Potemkin Personal correspondence 1769-1791] M.: Nauka. 1997. – 990 s.
11. Eliseeva O.I. Grigorij Potemkin [Grigory Potemkin]. M.: Molodaya gvardiya. 1997. – 665 s.
12. ZHerebkin M. V. Prisoedinenie Kryma k Rossii Ekaterinoj II kak sposob resheniya istoricheskikh zadach gosudarstva vo vtoroj polovine XVIII veka [The annexation of Crimea to Russia by Catherine II as a way to solve the historical problems of the state in the second half of the 18th century] // Manuskript. 2020. № 5. S. 24-28.
13. Kryuchkov A. V. Prisoedinenie Kryma k Rossii i nachal'nyj etap ego vklyucheniya v obshcheimperskoe prostranstvo (poslednyaya tret' XVIII - nachalo XIX vv.) [The annexation of Crimea to Russia and the initial stage of its inclusion in the general imperial space (last third of the 18th – beginning of

- the 19th centuries)] Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Saratov. 2006. – 22 s.
14. Levashov P. A. Kartina ili kratkoe izvestie o rossijskikh s tatarami vojnah i delah, nachavshihsia v polovine desyatogo veka i pochti bespreryvno cherez vosem'sot let prodolzhayushchihsia [A picture or a brief account of the Russian wars and affairs with the Tatars, which began in the middle of the tenth century and continued almost continuously for eight hundred years]. SPb. 1792.
 15. Malinova O.YU. Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchej elity i dilemmy rossijskoj identichnosti [The Past in Time: Symbolic Politics of the Ruling Elite and the Dilemmas of Russian Identity]. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2015. — 207 s.
 16. Negrov E.O. Publichnaya politika v hode elektoral'nogo cikla 2011–2012 gg.: Strategii ohranitel'nogo politicheskogo diskursa [Public Policy in the 2011–2012 Electoral Cycle: Strategies of Protective Political Discourse] // Simvolicheskaya politika: Sb. nauch. tr. / RAN. INION. Otv. red.: Malinova O.YU. Vyp. 1: Konstruirovaniye predstavlenij o proshlom kak vlastnyj resurs. M., 2012. S. 202-221.
 17. Nort D. Ponimanie processa ekonomicheskikh izmenenij. [Understanding the process of economic change] Per. s angl. K. Martynova, N. Edel'mana. M.: Izd. dom Gos. un-ta—Vysshej shkoly ekonomiki, 2010. — 256 s.
 18. Ponamareva A.M. Istoricheskaya pamyat' i istoricheskaya politika: vvedenie k tematiceskomu razdelu [Historical Memory and Historical Policy: Introduction to the Thematic Section] // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 11, Sociologiya: Referativnyj zhurnal. 2018. № 3. S. 6-14.
 19. Poceluev S.P. «Simvolicheskaya politika»: k istorii koncepta ["Symbolic Politics": Towards the History of the Concept] // Simvolicheskaya politika: Sb. nauch. tr. / RAN. INION. Otv. red.: Malinova O.YU. Vyp. 1: Konstruirovaniye predstavlenij o proshlom kak vlastnyj resurs. M., 2012. S. 17-53.
 20. Senina L.V. Rossijskaya imperiya i vostochnyj vopros: opyt kontaktov civilizacij v osveshchenii angloyazychnyh istorikov [The Russian Empire and the Eastern Question: The Experience of Civilizational Contacts as Viewed by English-Speaking Historians] // Via in tempore. Istoriya. Politologiya. 2012. № 7 (126). S. 106-112.
 21. Smetanin D. V. Kraeugol'nyj kamen' vostochnoj politiki rossijskoj imperii: organicheskie reglamenty i reformy v Moldavii i Valahii 1820-1830-h godov [The cornerstone of the Eastern policy of the Russian Empire: organic regulations and reforms in Moldova and Wallachia in the 1820-1830s] // Novoe proshloe/The New Past. 2022. №3. S. 190-199.
 22. Tret'yakov A. V. Ponyatie istoricheskoy politiki v postsovetsoj istoriografii [The concept of historical politics in post-Soviet historiography] // Uchenye

zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 2 (58). S. 1-11.

23. Caryov R. YU. Mirosistemnyj analiz i kritika geneticheskogo ob"yasneniya istorii [World-system analysis and critique of the genetic explanation of history] // Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 1 (44). S. 110-112.
24. Chernyshov S. A. Politicheskie kommunikacii i istoricheskaya politika v domodernyh soobshchestvah [Political Communications and Historical Politics in Premodern Communities] // Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly. 2023. № 1S. 125-141.

Информация об авторе: Соловьев Константин Анатольевич, д.и.н., профессор кафедры истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М.В.Ломоносова.

119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1.

РИНЦ: AuthorID: 440315

e-mail: ksoloviov@spa.msu.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Solovev Konstantin Anatolyevich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of State and Municipal Administration, Faculty of Public Administration, Moscow State University named after M.V. Lomonosov. 119991, Russian Federation, Moscow, Leninskie Gory, 1.

RSCI: AuthorID: 440315

e-mail: ksoloviov@spa.msu.ru

The author read and approved the final version of the manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 15.05.2025

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 05.06.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 20.06.2025

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests